

## Заячий хлеб

Когда я был совсем маленьким, шла война с Германией, и люди голодали. По праздникам бабушка давала мне кусочек макухи, и я испытывал ни с чем не сравнимое наслаждение, держа его обеими руками и быстро грызя — так белка разгрызает свой орех, не выпуская его из лапок. Ах, вы не знаете, что такое макуха... Это жмых, точнее, остатки подсолнечных семян — отжатые и растертые зернышки, вместе с шелухой сбитые в одну густую массу. На маслобойне сначала из семечек выдавливают светлое, как янтарь, душистое масло, а потом из отходов делают круги горячей макухи. Постепенно она затвердевает в камень, и не каждому, тем более бабушке, такая "халва" по зубам. Но у меня были зубы острые, крепкие, я не боялся их сломать и крошил макуху с удовольствием.

Масло у нас давно кончилось, после не стало и макухи, и по праздникам мне уже давали хлеб с отрубями. Я не знаю, из чего, из какой муки его выпекали, но есть такой хлеб было невозможно, он горчил ольховой корой и еловыми шишками. Понятно, я хотел от него избавиться и тайком куда-нибудь выкинуть, а если это не удавалось, ел через силу, подчиняясь уговорам матери. Бабушка сострадательно смотрела на меня и вытирала глаза белым платком. Иногда она говорила: "У нас в Рязани, у Сениных, когда я тоже была маленькой, и не такой хлеб едали — с лебедой!.." Я слушал и удивлялся восковой бледности ее заострившегося лица, прозрачной коже ласковых рук. При мне она никогда не ела ни макухи, ни этого горького хлеба. Позднее, повзрослев, я начал догадываться, что моя бабушка питалась, как Божья птичка, неизвестно чем, может быть, одним воздухом, и все лучшее приберегала для меня. Мир ее праху! Она умерла после войны и покоится на кладбище, среди кустов старой сирени, а я вот живу и здравствую — чтобы в суете земной вспоминать о ней.

Однажды в конце зимы мать сказала: "Ну, теперь мы не пропадем, доживем до весны... Вот погоди немного, и с фронта вернется отец. Он тебе гостинец привезет — целую буханку хлеба!"

И я стал ждать отца.

Все чаще выходил на улицу, к нашему колодцу, залезал на деревянный сруб и смотрел в сторону площади, откуда должен был появиться отец. Мать рассказывала, что в начале войны он партизанил в брянских лесах, потом воевал под Орлом и Курском, лечился в госпитале, а сейчас направляется к Берлину. "Даст Бог, уцелеет, вернется живой, — вздыхала бабушка. — Я ему подарила иконку Божьей Матери — от пули."

С каждым днем все теплее припекало солнышко, но он не появлялся. Зато часто ко мне приходил Костик, мальчишка из соседнего двора. У Костика тяжело болел отец, поэтому их семья

жила беднее нашей, и моя бабушка иногда угощала Костика то лепешкой, то макухой. Он тоже стал ждать с фронта моего отца, надеясь получить гостинец. Когда глазам надоедало всматриваться в пустынную даль, мы свешивались над колодецем и долго любовались, как там, в его заманчиво — притягательной глубине, бурлит родничок да мерцает серебристо — черная бездонная вода. Нам очень нравилось смотреть в колодець, наверное, и потому, что при молчаливом созерцании воды как — то притуплялось ощущение постоянного голода. Вообще на меня эта вода производила странное действие: она будто звала к себе, заманивала в таинственную глубину, и нередко возникало желание, почти непреодолимое, перегнуться через край сруба и нырнуть вниз головой, на самое дно. Там глубоко и покойно, можно лечь вверх лицом и смотреть оттуда, сквозь живое текучее зеркало, на небо. Но как раз в этот миг, когда уже водяной готовился встречать гостя, показывались с ведрами какой — то дед или женщина и отгоняли нас от колодца.

Надо сказать, Костик был хилый, невзрачный, с золотушным лицом, и очень невезучий мальчик. Много раз мы "выглядывали" вместе с ним отца, сидя верхом на срубе и болтая ногами, но именно в тот день, когда наконец выпала удача, Костика не оказалось рядом. Мимо шел лесничий дядя Ваня и остановился у колодца. Он доводился моей матери родным братом, год назад приехал с фронта контуженый, в бинтах, и по — прежнему ходил в солдатских галифе и в линялой гимнастерке с одной — единственной медалью на груди; поверх гимнастерки у него была накинута обыкновенная ватная фуфайка с рваными локтями. Сапоги же на нем были крепкие, хромовые и при ходьбе издавали важный начальственный скрип. Я этого скрипа немного побаивался.

Будто ветром, сдуло меня со сруба. Дядя Ваня окинул меня строгим взглядом и спросил:

— Ты чего в колодець уставился? Хочешь нырнуть на тот свет? Но там нету зайцев!

При этих словах он вынул из — за пазухи завернутую в лоскут красной материи полбуханки черного хлеба и тут же разрезал ее пополам перочинным ножом. Одну половинку протянул мне:

— А ну, принимай подарок от зайца!

Я не поверил своему счастью и стоял как вкопанный. Если бы сейчас, уже взрослым, я отыскал клад с драгоценностями скифов или египетских фараонов, то, пожалуй, это не произвело бы на меня такого впечатления, как тогда обыкновенный кусок ржаного хлеба.

— Бери, бери, — между тем торжественно говорил дядя Ваня, держа хлеб на широкой ладони. — Иду мимо Волчьих Ворот, глядь, выбегает из кустов серый зайчишка и прямо ко мне: "На, солдат, хлебца, это тебе награда за добрую службу!" И вынимает косою буханочку. Взял я заячий хлеб и думаю: отнесу домой деткам. Ешь и благодари зайца. Он еще принесет, только не балуйся, не гляди в

колодец!

И, отдав гостинец, дядя Ваня погладил меня по голове и пошел своей дорогой.

Дома мы ели заячий хлеб втроем — я, бабушка и мать. Он был такой пахучий и вкусный, что я и не заметил, как управился со своей долей. Бабушка отломала немного Костику и велела отнести ему. Перепрыгивая через кювет, я упал и выронил Костикову долю. В горячке схватил ее снова, поднес ко рту — и на меня пахло свежим, неотразимым ржаным запахом. Не знаю, что случилось со мною, может, я ушибся при падении и плохо соображал, но кусок хлеба тут же съел. И только когда опомнился и вскочил на ноги, с ужасом понял, что совершил нечестный, непростительный поступок. Мне стало нестерпимо стыдно за себя и больно за Костика. Я прилег в кювете и заплакал.

И там же, в кювете, меня осенила спасительная мысль: я тоже, как и дядя Ваня, схожу к Волчьим Воротам, на лесную поляну, и подкараулю какого-нибудь зайца (перед заходом солнца они, говорят, перебегают дорогу и резвятся в поле). Если я понравлюсь доброму зайцу, он угостит меня хлебом. Тогда я отнесу половинку Костику, и тот не узнает о моем нехорошем поступке. Бабушка и мать тоже ни о чем не догадаются.

На следующий день, перед вечером, я подался к Волчьим Воротам — двум пологим холмам, между которыми шла гладко накатанная дорога. Спрятавшись в кустах, прилег на прошлогодней, уже просохшей траве и с замиранием сердца начал выслеживать зайцев. От голода и хмельного мартовского дыхания земли приятно кружилась голова. Надо мною, сквозь переплетения голых веток, стояли, как синий шатер, тронутые светлою позолотой небеса. Казалось, они, как и молодой ольховый лес вблизи, и освобожденная от снега земля с прелыми листьями, тоже источали весеннюю прохладу и умиротворение. Скоро я даже позабыл, зачем сюда пришел. Возможно, вздремнул или впал в блаженное созерцание, которое почему-то всегда сопутствует голоду. Но вот послышалось легкое шуршание листьев. Я очнулся и увидел ежика, который неподалеку от меня, выбравшись из кустов, деловито перебежал дорогу. Пробежит немного и остановится, потом снова побежит. Ежиков в наших местах достаточно, и я пожелал ему счастливого пути. А зайцев все-таки меньше. Их травят собаками, и косые остерегаются попадаться на глаза людям. Зачем из пугливых, невинных зайцев варят суп? Они же добрые, раздают гостинцы... Пусть я умру, но не буду есть зайчатины.

За этими размышлениями я едва не проследил, как прямо передо мною, шагах в тридцати, нежданно привстал на задние ноги и замер серенький исхудалый зайчишка. Судорожно нюхая воздух, он с беспокойством смотрел в мою сторону. Почуял, что ли, человека? Хотя я знал, что ничего плохого ему не сделаю, все же притаился.

Заяц, видно, стал нервничать, все выше привставая. Позвать его и попросить хлеба? Нет, он должен сам подойти ближе. Но косой метнулся вбок и, вытянув длинные уши, задал такого стрекача, что я вскочил и закричал во весь голос: "Эй, ты, куда — а?! Дай хле — еба!"

Заяц улепетывал без оглядки и скоро исчез в лесу.

После мы приходили к Волчьим Воротам вдвоем с Костиком — сторожить зайцев. Но они почему — то не доверяли нам и обегали нас стороной. Никто из них не собирался давать нам хлеба, и однажды Костик, всхлипывая и размазывая по щекам слезы, сказал, что лесничий обманщик и что это неправда, будто зайцы приносят хорошим людям подарки. Но тут снова в своих галифе и хромовых сапогах появился в нашей хате дядя Ваня. Развернув красную материю, победно выложил на стол горбушку:

— Ешьте! Опять подарок от зайца!

Чудо из чудес. Теплый ржаной хлеб лежал перед нами, как небесная благодать, дающая силу и радость жизни. Но отчего зайцы принялись одаривать одного дядю Ваню, а не нас с Костиком? Что он сделал такое, что они полюбили его? Об этом я и спросил дядю Ваню.

— Э — э! — воскликнул он и поднял к потолку свой указательный толстый палец. — Это большой секрет. Видишь мои руки? — И он раскрыл передо мною мозолистые, грубоватые ладони. — Они умеют все: и пахать, и сеять, и плотничать... И еще я знаю одно заговоренное слово.

— Какое?

— Не торопись, вырастишь — узнаешь. Я, хлопчик, воевал и много трудился, чтобы угодить зайцам. Ты не бегай за ними, они сами к тебе придут с хлебом.

— Когда?! Это неправда!

— Нет, правда. Подрастешь, выучишься на тракториста и будешь пахать землю. Тут тебе и привалит счастье.

— Вы не тракторист, но зайцы дают вам хлеба, — возразил я, пытаясь разгадать, в чем же заключается его большой секрет. — Почему?

— А ты сам догадайся, — усмехнулся дядя Ваня.

"Куда ему догадаться, мал еще, — шепнула бабушка и выразительно посмотрела на мою мать. — Ох, горюшко горькое, жди, зайцы принесут... Он от семьи отрывает, от своего инвалидного пайка..."

Непонятны мне были слова бабушки. У взрослых свои тайны... На этот раз я сам отломил от своей доли и отнес Костику. Он совсем исхудал, ел с жадностью и все же не верил, что на свете бывает такой хлеб. Да еще от зайца!

Между тем повсюду проклюнулась, зазеленела трава — мурава, на деревьях распустились клейкие листья. Лизнешь их языком — сладкие. В затишке нашей ограды, сложенной из колючей дерезы, в

солнечные дни настаивалось уютное, благостное тепло, и там особенно живо пробивалась из-под земли крапива с курчавыми резными листьями. Не страшась обжечься, я рвал их голыми руками и набивал ими карманы. А бабушка варила жидкие щи из молоденькой крапивы. В лесу и по берегам реки в помощь отощавшему народу начал быстро расти щавель, потом застрекотали над гнездами сороки, и мы с мальчишками ходили "драть" сорочиные, в крапинках, яйца и тут же выпивали их сырыми. Нехорошо разорять птичьи гнезда, но подтягивало живот и все время хотелось есть.

И все-таки весна пересилила зиму! У нас ходила стельной корова, и бабушка все чаще просыпалась по ночам и заглядывала на баз: как бы преждевременно не объявился мокрый теленок, не остыл на знобком ветерку. Она объясняла мне: "Народится теленочек, будешь есть молозиво." Это первое густое молоко... Но время шло, а теленок медлил с появлением на белый свет.

И все же он когда-то родится. С дойной коровой уже не пропадешь... А на Костиковом дворе не было коровы. Но он сказал мне, что все равно напьется молока вволюшку, "от пуза", и когда в лугах сначала высыпали желтые одуванчики, а вслед за ними загорелась золотыми чашечками куриная слепота, стал звать меня туда. В один из печальных дней, словно предчувствуя беду, бабушка не отпустила меня гулять с Костиком, и он пошел один — пить из сочных, блеклых стеблей молочая густое, липкое "молочко". Рассказывают, он весело кувыркался на траве и все время выдавливал по капле и сосал горьковатое "молочко". Он отравился, вечером его охватило жаром и точно опалило всего изнутри. Мать Костика понадеялась, что к утру жар спадет и не стала везти его в районную больницу, за девять километров. Однако на ранней зорьке, когда у нас в хате показалось на расстеленной соломе долгожданное прибавление — лобастый палевый теленок, и он сам встал на ноги, начал ходить и лизать мне щеку, — в тот час скончался Костик.

Я радовался теленку и еще не знал, что навсегда потерял своего друга. Хоронили Костика ясным днем, при обильном цветении яблонь. Больше мне ничего не запомнилось...

Вот так мы пережили трудную зиму и весну, омраченную смертью Костика. Постоянное чувство голода уже не преследовало меня столь нещадно, как раньше; жизнь менялась к лучшему. И все же одним молоком сыт не будешь, хотелось и соли, и хлеба. Поэтому я продолжал бегать к колодцу и "выглядывать" отца, но он, хотя русские уже победили немцев, все еще не возвращался с войны. Дядя Ваня тоже не приносил нам заячьего хлеба, и я думал, что косые резвятся далеко-далеко, на лесных полянах и в травянистых оврагах, и теперь им нет никакого дела до людей. Только бы косых не загрызли волки.

Между тем в нашем огороде пышным сиренево-белым цветом

занялась картошка, завязывался в тугие стручки горох. По утрам я проверял, насколько выросли, вытянулись эти стручки и скоро ли их можно рвать и вылуцивать зеленые горошины. Однажды, к немалому изумлению, я обнаружил под широким листом настоящий огурец с пупырышками и светло-желтым огоньком цветка. Через два дня огурец вырос вдвое, и я съел его. Почему взрослые говорят о трудном годе? Все еще нет хлеба, зато есть молоко и спешат расти огурцы. Жить можно! Я чувствовал, что живу и сам начинаю расти и наливаясь силой, как огурцы и горох, посеянные бабушкой...

Отец вернулся в начале сентября, в жаркий и душный полдень, когда его меньше всего ждали. Он был, как и дядя Ваня, в галифе и гимнастерке, только на груди у него поблескивало много медалей и даже один орден. Посреди пыльной улицы он поднял меня на руки и с удивлением произнес: "Уже мужчина! Ишь, какой вырос!" А мать улыбнулась и сказала: "Так его спас заячий хлеб!"

"Заячий хлеб? — переспросил отец, прислоняясь ко мне жесткой чужой щекою. — А разве такой бывает? Вот я принес ему сдобную краюху!" — И, опустив меня, босого, на горячую пыль, он достал из мешка ломоть белого хлеба, какого я еще никогда не видел, и при всем собравшемся народе вручил мне.

С великим изумлением и смущением смотрел я то на отца, то на мягкий ноздреватый ломоть и думал, что, наверное, белый хлеб вкуснее ржаного, заячьего. Это же хлеб с войны, откуда вернулся отец, которого я тоже видел впервые в своей жизни.

Лишь позднее я догадался, что сдобный хлеб был не военный, а мирный. Просто отец купил его в городской лавке по дороге домой.